

РАЗДЕЛ I

**РОССИЯ И ИСПАНИЯ:
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА,
ЭКОНОМИКА**

Глава 1

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ ИСПАНИИ

Переписка короля Сисебута и патрикия Цезария как инструмент вестготско-византийской дипломатии

Е.С. Марей

Падение Западной Римской империи в 476 г. положило начало формированию на ее территории т. н. романо-варварских королевств. Эти государственные образования оказались непрочными: когда византийский император Юстиниан (527–565) попытался распространить свое могущество на Западе, он легко подчинил себе королевство вандалов в Африке (533–534) и после продолжительной войны (535–555) – королевство остготов. Кроме того, Юстиниан стремился захватить королевство вестготов¹, однако здесь потерпел неудачу. В начале VI в. византийцы вторглись в Испанию под предлогом оказания военной помощи Атанагильду, поднявшему мятеж против законного правителя Агилы. Однако после того как Атанагильд стал королем, византийцы продолжали удерживать юг Пиренейского полуострова, несмотря на безуспешные попытки своего бывшего союзника изгнать их оттуда². Таким образом, на протяжении почти ста лет, до правления Свинтилы (621–631), войны на юге оставались чуть ли не главным направлением внешней политики вестготских королей.

Наибольших успехов в войне с Византией добился король Сисебут (612–621). Как указывает авторитетный вестготский эрудит и хронист

¹ В качестве причин войны с вестготами выделяют: стремление императора восстановить Римскую империю в ее прежних границах (*Thompson E.A. The Goths in Spain. Oxford: Claredon Press, 1969. P. 320; Viscaino Sánchez J. La presencia bizantina en Hispania (siglos VI–VII). La documentación arqueológica / Antigüedad y cristianismo: Monografías históricas sobre la Antigüedad tardía. Nº 24. 2007. P. 33–60; Vallejo Girvés M. Hispania y Bizancio. Una relación desconocida. Madrid: Akal, 2012. P. 85 sqq*), религиозную нетерпимость к готам-арианам (*Goubert P. Byzance et l’Espagne wisigothique (554–711) // Études byzantines 2. 1944. P. 9–11; Vallejo Girvés M. Hispania y Bizancio... P. 77–79*), выгодное географическое положение Пиренейского полуострова и его экономические ресурсы (*Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI–VII вв. // Византийский временник. 12 (37). 1957. С. 32–33*).

² *Isidori Historia gothorum, vandalorum et suevorum. 46. Цит. по: Rodríguez Alonso C. Las Historias de los Godos, vándalos y suevos de Isidoro de Sevilla: estudio, edición crítica y traducción. León, 1975. (Далее – Isidori Historia.)*

Исидор Севильский, король Сисебут одержал две крупные победы над византийцами и подчинил себе некоторые удерживаемые ими города³. Имперскими войсками в Испании в то время командовал патрикий Цезарий, который нам известен только благодаря его переписке с королем Сисебутом. По всей видимости, Цезарий, как и его предшественники, занимал пост *magister militum* или *dux*, соединяя в своих руках административные и военные функции⁴. Неясно, управлял ли Цезарий только испанскими территориями или же в его ведении находились также византийские владения в Африке; на этот счет существуют различные точки зрения⁵, однако в настоящее время большинство ученых, в том числе М. Вальехо Хирвес⁶, склоняются к тому, что власть Цезария распространялась только на юг Пиренейского полуострова. Но он являлся представителем Восточной Римской империи — самого могущественного государства позднеантичного мира. Поражение, которое он потерпел от Сисебута, было не только военным — оно нанесло удар по престижу Империи. Цезарий вынужден был просить о мире, но должен был сделать это так, чтобы не уронить достоинство императора.

Все это известно благодаря сохранившейся переписке патрикия и короля. Исследователям доступны четыре послания, из которых три принадлежат перу Цезария и одно — перу Сисебута; все они приблизительно датируются 615 г. В первом письме патрикий рассказывает королю о бедствиях войны и предлагает заключить мир; при этом он даже готов освободить пленника — Цецилия, епископа Ментесы. Второе письмо написано Сисебутом, который хотя и соглашается прекратить войну, но возлагает ответственность за начало конфликта на Византию. В третьем и четвертом письмах Цезарий обговаривает условия мира (ссылаясь на авторитет императора Ираклия) и благодарит Сисебута за проявленное великодушие.

Эта переписка представляет собой ценнейший источник по истории вестготского-византийской дипломатии: значение данных документов не исчерпывается лишь содержащимися в них фактами (как принято считать)⁷ — не менее важно то, какие взаимоотношения устанавливают корреспонденты и каким образом они аргументируют свою позицию в конфликте, транслируя ее через используемые в переписке обращения и эпитеты.

Самым частым обращением в первом из сохранившихся писем является *vestra eminentia* (Ваше Высочество, четыре раза)⁸. Римское происхождение

³ “De Romanis quoque praesens bis feliciter triumphavit, et quasdam eorum urbes expugnando sibi subiecit...”. Isidori Historia. 61. См. также: *Vallejo Givés M.* Hispania y Bizancio... P. 334 sqq.

⁴ *Корсунский А.П.* К вопросу о византийских завоеваниях... С. 37–38.

⁵ Обзор см.: *Morossi D.* The Governors of Byzantine Spain // *Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi.* XV. 2013. P. 154.

⁶ *Vallejo Givés M.* Hispania y Bizancio... P. 352–353.

⁷ *Goubert P.* Byzance et l’Espagne... P. 69–71; *Vallejo Givés M.* Hispania y Bizancio... P. 344–351.

⁸ “Nostra frequens postulatio apud *eminentiam tuam* fuit, [...] Pro tantis ergo illatis funeribus non sileo *vestram eminentiam* mea propulsare obsecratione [...] ita et *vestra eminentissima*

ние этого титула не вызывает сомнений: он встречается в императорских конституциях, вошедших как в Кодекс Феодосия⁹, так и позднее в Кодекс Юстиниана¹⁰. Однако в Римской империи титул *vestra/tua eminentia* был титулом высших должностных лиц, как правило, префекта Города и префекта претория. В эпоху раннего средневековья, как видно на примере писем Григория Великого, титул «Ваше высочество» также относился к префекту¹¹. Характерно, что ни римский, ни ранневизантийский император никогда не именовали себя «высочеством». Таким образом, патрикий Цезарий с самого начала письма вестготскому королю ставит того ниже императора Ираклия или даже опосредованно указывает на его положение подчиненного.

Впрочем, уже в конце первого письма патрикий меняет обращение на *vestra clementia*¹² и в следующем письме так к Сисебуту и обращается¹³. *Clementia* – милосердие, способность прощать врагов – является одним из главных качеств идеального правителя. Так, в официальных надписях римского времени эпитет *clementia* всегда служит для характеристики правления императоров начиная с Адриана и заканчивая Диоклетианом. Иначе говоря, употребляя этот эпитет, Цезарий в какой-то степени уподобляет Сисебута императору. Возможно, перед нами сложный риторический ход: называя своего адресата «милостивым», византийский наместник побуждает его к проявлению милосердия. Сходную функцию выполняет обращение «Ваша доброта» (*vestra bonitas*)¹⁴, которое использует Цезарий в самом первом письме, когда просит о мире. Данное обращение никогда не употреблялось в качестве титула, оно вообще не типично, так что, вводя его в письмо, Цезарий не столько апеллирует к королевской доброте и великодушью короля, сколько пытается пробудить их в короле.

potestas petitionem nostram quae multorum consultu probatur esse animarum [...] apud serenissimum urbis dominum patrem vestrum auctorem nos suae maxime utilitati vestra agnoscebit in omnibus existere eminentia”. Epistola Wisigothica 3, Caesarius ad Sisebutum // Epistolae Wisigothicae. Monumenta Germaniae Historica: Epistolae. T. III. Berolini: apud Weidmannos 1892. (Далее – Epist. Wisig.; MGH: Epp.)

⁹ См.: Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Simordianis / ed. P. Krueger, Th. Mommsen. Berolini: apud Weidmannos, 1905: 1.5.8; 6.30.15; 7.13.10; 9.38.9; 10.1.9; 11.30.49; 12.6.32; 12.12.3; 13.5.14; 14.4.5; 14.17.9; 14.26.1; 15.1.25; 15.1.38 etc.

¹⁰ Corpus iuris civilis. Vol. 2: Codex Iustinianus / ed. P. Krueger. Berolini: apud Weidmannos, 1892: 1.3.25.3; 1.51.11; 2.7.5; 2.7.6; 2.7.11; 2.55.5; 7.44.2.1; 7.45.13 etc.

¹¹ Gregorii Magni Epistola X.8; X.16 // Gregorii I papae Registrum epistolarum / ed. Societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. MGH: Epp. T. 1–2. Berolini: apud Weidmannos, 1891–1899.

¹² “Debiti a nobis officii jura persolvimus, et salutem *clementiae vestrae* nosse cupientes, litterario obsequio inquirimus ut et *vestrae clementiae* animus provocetur vicem rescripti rependere inquiringibus ac diligentibus”. Epist. Wisig. 3, Caesarius ad Sisebutum.

¹³ “...sed sicut *vestra clementia* de plerisque nos maluit facere cognoscentes [...] hoc mihi gratum esse *vestra* cognoscat *clementia*...” Epist. Wisig. 5, Caesarius ad Sisebutum.

¹⁴ “Spiritale bellum, iuxta sacros apices, contra spiritalia nequitiae agere conuenit, quod nos non permittere tua praemonuit bonitas [...] Iudicibus tamen nostris *uestra bonitas* nobis innotuit tales sanctiones porrigere...” Epist. Wisig. 3, Caesarius ad Sisebutum.

Во втором письме патрикий единожды употребляет по отношению к Сисебуту эпитет *vestra gloria* (Ваша слава)¹⁵. Этот титул связан с военными победами и воинской славой, что должно свидетельствовать об уважении, питаемом Цезарием к королю вестготов. Однако в этой же фразе славнейшим называется не только король Сисебут, но и посланник византийского императора Теодорих, который отвечал за доставку письма. Кроме того, сам Цезарий удостоился этого же титула от своего корреспондента¹⁶, а уж его с военной победой поздравить было нельзя. Таким образом, титул *gloria vestra* или его аналог *gloriosus* в рассматриваемую эпоху не несли какой-то специальной коннотации, а употреблялись по отношению к чиновникам высокого ранга. Иначе говоря, риторически Сисебут стоит ниже, чем император Византии, — где-то на уровне его подданных (пусть и высокопоставленных). При этом о самом Ираклии Цезарий писал только в превосходной степени, тем самым подчеркивая его недостижимо высокий статус. Император предстает не просто милостивым, а милостивейшим (*clementissimus*), а также несравненным господином всех господ (*difficili comparatione dominissimo*)¹⁷. Король же не удостоился эпитетов, употребленных в превосходной степени.

Очевидно, тон письма византийского наместника не оставил Сисебута равнодушным, так как он ответил пространным посланием, которое тоже весьма познавательное с точки зрения смысловых оттенков и политических подтекстов. Правитель вестготов называет патрикия «дражайшим другом» (*amice karissime*), что сообщает их переписке некоторый душевный характер¹⁸. В то же время Сисебут так выражает свое снисходительное отношение к побежденному им Цезарию, ведь в вестготской эпистолографии, как правило, *carissime* — это обращение старшего к младшему¹⁹. По-видимому, король наслаждался своим триумфом. Выйдя победителем из этого конфликта, он писал, что никогда не желал войны, ибо она противоречит основным христианским заповедям; и, таким образом, он перекладывает ответственность за конфликт на византийцев²⁰.

¹⁵ “... *gloriosum* denique et amicissimum ueritati *Theodericum* iuxta magis *clementissimi* et ultra omnes homines in cunctis eximii praeceptionem imperatoris ad *uestram* certum est *gloriam* destinasse...” Epist. Wisig. 5, Caesarius ad Sisebutum.

¹⁶ “...*nihil* enim glorie vestre afficiunt...” Epist. Wisig. 5, Caesarius ad Sisebutum.

¹⁷ “...et a *clementissimo* ac *difficili comparatione imperatore dominissimo* honestos hilaresque animos quidem redemptos ad nos fuisse remissos, credo...” Epist. Wisig. 5, Caesarius ad Sisebutum; “*Venerantissimos apices a dominissimo ac paterna amplexione tenendo imperatore libenter oblatos grata nimis devotione percepimus...*” Epist. Wisig. 6, Caesarius a Sisebutum.

¹⁸ “*Quid enim dubitas, amice karissime, si fides cristianis adhibetur [...] et qua minus compe fuerit consecutus per te, mihi karissime, ut me praesente defendo...*” Epist. Wisig. 4, Sisebutus ad Caesarium.

¹⁹ Исидор обращался так к своему ученику, а тот — к некоторым своим друзьям-мирянам. См.: Epistolario de San Braulio: 1, 2, 11, 42. Introducción, edición, traducción por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.

²⁰ “...*quod si bella surgant, si mucro fervidus in qualibet parte desaeviat, si vita hominum tempus bellicosum non exigat; quem opinaris pro tantis sceleribus, pro ingestis cladibus, pro funestissimis inlatis vulneribus, Deo reddere rationem?*” Epist. Wisig. 4, Sisebutus ad Caesarium.

В своем письме король часто поминает Господа: он всячески подчеркивает свою набожность и, в частности, клянется Его именем не нарушать мир с византийцами²¹. Несомненно, это — результат влияния наставника короля, знаменитого Исидора Севильского, однако не стоит забывать о том, что Сисебут занял престол в 612 г., всего через двадцать три года после исторического III Толедского собора, на котором готы приняли Никейский символ веры²². До этого они исповедовали арианство, а значит, были еретиками в глазах византийцев, оправдывавших свои завоевания в том числе и борьбой за чистоту веры. В этом смысле неудивительно, что Сисебут пытается показать себя христианнейшим королем.

Все правление Сисебута было отмечено активной религиозной деятельностью. Король считал, что его цель — защищать христианскую веру и приумножать число верующих, и ради достижения этой цели он позволял себе вмешиваться в дела Церкви. Показательны его послания Цецилию, епископу Ментесы, и Евсевию Тарраконскому. Сисебут упрекал Цецилия в том, что тот ушел в монастырь, в результате чего город Ментеса и вся епархия остались без пастыря, и приказал ему вернуться к обязанностям епископа²³. Евсевий, епископ главного города Тарраконской провинции, не желал рукоположить некоего клирика Севера, предложенного Сисебутом, в сан епископа города Барселоны²⁴. В ответ король просто приказал ему благословить человека, «который более угоден Богу, чем жалким людишкам»²⁵. Таким образом, Сисебут оправдывал свое вмешательство в дела Церкви заботой о верующих.

Как уже было упомянуто, правитель вестготов стремился обратить в истинное христианство как можно большее число людей и, как следствие, начал насильственное массовое крещение живших в Испании иудеев. Безоговорочность в насильственной христианизации иудеев была столь суровой, что даже заслужила неодобрение Исидора Севильского²⁶. Но и этим

²¹ “...profiteor, coram Deo ipso propitiante, promissionem meam in omnibus conservare, et sacrae devotionis propositum intemerata mente tenere”. Epist. Wisig. 4, Sisebutus ad Caesarium.

²² О значении III Толедского собора см., например: *Moreno Casado J.* Los concilios nacionales visigodos, iniciación de una política concordataria. Granada: Imprenta de F. Román Camacho, 1946; *Orlandis J., Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona: EUNSA, 1986; Concilio III de Toledo: XIV Centenario. 589–1989. Toledo: Caja de Toledo, 1989; *Stocking R.* Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Michigan: University of Michigan, 2000; *Castellanos S.* Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid: Alianza Editorial, 2007.

²³ Epist. Wisig. 2. См. также: *García Moreno L.A.* La prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1974. P. 135.

²⁴ *García Moreno L.A.* La prosopografía ... P. 199, 203; *Orlandis J.* Historia del reino visigodo español. Los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: Ediciones RIALP, S.A., 2003. P. 93, 200, 399.

²⁵ “Ergo deinceps nostrae perennitatis affatus nequaquam exspectes, sed huic viro qui Deo magis quam miserandis placet hominibus, ecclesiam Barcinonensem regendam gubernandamque committe”. Epist. Wisig. 7.

²⁶ *Isidori Historia.* 60. См. об этом: *Чернина Л.В.* Церковь и государство в начальный период антииудейской политики VII в. // Теология и политика. Власть, Церковь и текст

религиозная политика Сисебута не исчерпывается. Радея о распространении христианской веры, он обратился с письмом к лангобардскому королю Аделоальду, в котором он доказывал, что доктрина Ария является еретическим учением и ведет к вечной гибели души²⁷. Такого рода послание должно было скорее исходить от духовного лица, чем от короля, но само его появление свидетельствует о том, какую колоссальную роль играла религия во внутренней и внешней политике Толедского королевства. Таким образом, в своем письме к Цезарию Сисебут осознанно и с полным на то основанием позиционирует себя как благочестивого и праведного монарха²⁸. С помощью сформированного в письме идеального образа король доносит мысль, что между вестготами и византийцами нет религиозных противоречий, а значит, и нет серьезных поводов начинать войну.

Итак, четыре письма патрикия Цезария и короля Сисебута проливают свет на историю взаимоотношений Толедского королевства и Византии. Послания Цезария демонстрируют его незаурядный дипломатический талант. Военачальник был поставлен в сложные неблагоприятные обстоятельства: он обращался к врагу Византии, но так как этот враг был сильнее, он вынужден был строго соблюдать нормы этикета. В то же время Цезарий представлял Восточную Римскую империю и должен был дать почувствовать адресату всю ее мощь и величие, даже после поражения в Испании. Патрикий блестяще справился со всеми сложностями: обращаясь к королю Сисебуту в высшей степени почтительно, он, тем не менее, с помощью системы традиционных эпитетов дает понять вестготскому королю, что тот, несмотря на одержанную им победу, не является равным императору Византии. Сисебут же в своем письме стремится показать себя богобоязненным истинно христианским правителем, не уступающим в благочестии императору Византии. По собственным словам короля, он жаждет мира и ненавидит войны, тем самым, в переписке он предстает как добрый и миролюбивый правитель, а ответственность за конфликт он перекладывает на Цезария.

Анализ сохранившейся переписки патрикия и короля подтверждает ее несомненную историко-фактографическую и историко-культурную ценность. Детальное исследование переписки позволяет не только рассмотреть причины и суть конфликта, но и раскрыть отношение адресатов друг к другу, понять, каким именно образом они выстраивают диалог и даже отчасти проявляют неоднозначность своих характеров. Комплексный подход к данному эпистолярному наследию открывает новые возможности для дальнейшего изучения процессов и механизмов формирования взаимоотношений Толедского королевства и Византии.

в королевствах вестготов (V — начало VIII в.). Исследования и переводы. М.: Дело, 2017. С. 85–106.

²⁷ Epist. Wisig. 9.

²⁸ См.: Hen Y. A Visigothic king in search of an identity — *Sisebutus Gothorum gloriosissimus princeps* // Ego Troubles: Authors and their Identities in the Early Middle Ages / eds. R. McKitterick, I. van Renswude and M. Gillis. Vienna, 2010. P. 96 sqq.

El Discurso político sobre el poder Regio en las *Partidas* de Alfonso X el Sabio

C. Estepa Díez

D. Rodrigo, arzobispo de Toledo en 1209–1247 y autor de la primera historia de España (1243), *De Rebus Hispaniae (Historia Gothica)*, adoptó el principio del “señorío natural” sobre el que reposa en el siglo XIII el fortalecimiento del poder real y las primicias doctrinales del Estado en Castilla¹; una concepción del poder político según la cual el conjunto de los hombres nacidos o que viven desde hace tiempo en el territorio del reino deben amor, respeto y obediencia al señor que legítimamente los gobierna. Tales son los antecedentes y condiciones del pensamiento político del Rey Sabio, expresado sobre todo en las *Partidas*.

Podemos calificar la dimensión de la obra de Alfonso X el Sabio como extraordinaria. Su extensa acción política como rey de Castilla (1252–1284) estuvo acompañada por una extraordinaria actividad cultural plasmada en la confección de muchas obras de los más variados géneros y ámbitos del saber, por ejemplo, la legislación, la historia, la astrología, la literatura sapiencial, la lírica religiosa o incluso los juegos de ajedrez, damas y dados².

La obra legislativa de Alfonso X estuvo marcada por varios principios: la reivindicación de la creación legislativa para el monarca, la unificación jurídica de los reinos y la renovación jurídica. Sus obras fueron *Fuero Real*, *Espéculo*, *Siete Partidas*, *Setenario*. Este gran proyecto legislativo se desarrolló desde los comienzos del reinado³.

¹ *Roderici Ximeni de Rada*. Historia de Rebus Hispaniae sive Historia Gothica / ed. J. Fernández Valverde. Turnholt: Brepols, 1987.

² Dada la extensísima bibliografía sobre Alfonso X el Sabio nos permitimos solo citar como obras generales la de *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio, Barcelona: Crítica, 2004; y la clásica obra de *Ballesteros A.* Alfonso X el Sabio, Barcelona; Madrid: Salvat, 1963.

³ Seguimos fundamentalmente los trabajos de *Iglesia Ferreiros A.* Alfonso el Sabio y su obra legislativa: algunas reflexiones // Anuario de Historia del Derecho Español, L (1980). P. 531–561; *Idem.* Fuero Real y Espéculo. Ibid. LII (1982). P. 111–191; *Idem.*, Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // Historia, Instituciones, Documentos, 9, 1982. P. 9–112; *Idem.* La labor legislativa de Alfonso X el Sabio // Pérez Martín, A. (ed.) España y Europa, un pasado jurídico común, Murcia: Publicaciones del Instituto de Derecho Común, 1986. P. 275–599; y para el inicio de estos temas: *Idem.* Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de Corte // Anuario de Historia del Derecho Español, XLI (1971). P. 945–971. Tuvieron gran importancia los estudios del gran historiador del Derecho García Gallo A. pero es insostenible su pretensión de que las *Partidas* fueran escritas después de la muerte de Alfonso X el Sabio: *García Gallo A.* El “Libro de las Leyes” de Alfonso el Sabio. Del Espéculo a las *Partidas* // Anuario de Historia del Derecho, XXI–XXII (1952). P. 345–528; *Idem.* Nuevas observaciones sobre la obra legislativa de Alfonso el Sabio. Ibid. XLIV (1976), P. 609–670.

Las Partidas son la cumbre de su creación legislativa. Se ha considerado la existencia de tres versiones: 1256–1265, y, posiblemente, 1272–1275 y 1275–1278⁴. En cuanto a la primera versión las Partidas se empezó a escribir en 1256, sustituyendo al Espéculo, que no se llegó a acabar. Como es bien conocido, en abril de 1256 una embajada de la ciudad toscana de Pisa, de tradición gibelina, le ofreció a Alfonso X su apoyo para conseguir la corona del Imperio Romano. Se empezaron a escribir en 1256, sustituyendo al Espéculo, debido a las aspiraciones imperiales de Alfonso X. Estas directamente relacionadas con este fenómeno.

Alfonso X

Las Partidas por ello hablan no sólo del Rey sino también del Emperador en el Título I de la II Partida.

En la tercera versión, en el prólogo hay una segunda parte dedicada al número Siete, texto en que ya se utiliza la palabra Partida, para referir numéricamente cada una de las Siete Partes de la gran obra, lo que va a ser su denominación habitual de las Siete Partidas (primeramente se llamaba *Libro del fuero de las leyes* o *libro de las leyes*) está subyacente. Las vicisitudes del reinado de Alfonso X y, particularmente, la rebelión nobiliaria de 1272, hacen pensar que las Partidas ya no representarían en las últimas versiones una obra con aplicación efectiva, cosa que probablemente sí ocurriera con la primera versión, realizada en 1256–1265. Lo que se pretendía ahora con las nuevas versiones no era tanto el disponer de un código general para aplicar en los reinos sino la

divulgación general del derecho del reino y el servir como referencia y enseñanza para los príncipes que gobernarán y para los grandes hombres del reino. Lo que no ofrece ninguna duda es que en las Siete Partidas era donde mejor quedaba plasmado el pensamiento político de Alfonso X el Sabio.

Las Siete Partidas forman un todo armónico. Su eje es la Cuarta Partida, dedicada o planteada a partir de la familia, iniciándose así con títulos dedicados al matrimonio y el parentesco, para terminar con los que estudian los criados, los siervos, la naturaleza, el vasallaje, los feudos o la amistad. Las tres primeras Partidas se dedicaban a la Iglesia la Primera, al Rey la Segunda y a la Justicia la Tercera. Las tres últimas, Quinta, Sexta y Séptima tenían un mayor sentido práctico, pues

⁴ Craddock J.R. La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español, LI (1981). P. 365–418.

vendrían a consistir, salvadas las obvias distancias, a algo así como nuestros derechos Mercantil, Civil y Penal, respectivamente. La unidad de las *Partidas* y el sentido de sus partes está muy claro en el prólogo inicio de la IV *Partida*⁵.

Llamo la atención sobre el hecho de que las Siete *Partidas* constituyen un perfecto y elaborado sistema y no un mero agregado de distintas leyes. La impronta del rey Sabio está mostrada en el hecho de que cada *Partida* empieza con las letras sucesivas (siete) de la palabra ALFONSO.

Me voy referir de manera expresa a la Segunda *Partida* pues es la que trata del Rey y, por lo tanto, nos ofrece el pensamiento político del Rey Sabio sobre el Rey. Muy relacionado con estas concepciones se halla también el Título XXIV de la IV *Partida*, que trata sobre la Naturaleza⁶.

En la primera de sus leyes de éste se hace la distinción de significado entre *natura* y *naturaleza*, pues la *natura* es la virtud que hace que las cosas sean lo que son, en definitiva, son lo que Dios ha ordenado. Por otra parte, tal como se expresa en la segunda ley de este título el deudo de naturaleza tiene hasta *diez maneras*, siendo la primera de ellas (*la primera e la mejor*) la que tienen los hombres con su señor natural a la que siguen la relación de vasallaje, de crianza, por caballería, por casamiento, por heredamiento, por sacarlo de cautividad, por librarlo de la muerte o deshonor, por ser aforrado (darle la libertad), por hacerlo cristiano o por morar diez años en la tierra, aunque sea natural de otra⁷. Según Georges Martin la estrategia es simple: hacer de la naturaleza un orden político tan trascendente como el orden de la *natura* tal como Dios lo estableció. La supremacía del señor natural en el orden político equivale a la autoridad del padre en el orden parental y a la de Dios en el orden espiritual⁸.

⁵ “E por esso lo pusimos en medio delas siete partidas deste libro: assi como el coraçon es puesto en medio del cuerpo, do es el spiritu del ome, ondeva la vida a todos los mienbros. E otro si como el sol que alumbra todas las cosas, e es puesto en medio delos siete cielos, do son las siete estrellas, que son llamados planetas. E segund aqueste, pusimos la partida, que fabla del casamiento, en medio delas otras seys partidas deste libro” (Siete *Partidas*, II, prólogo). Citamos las Siete *Partidas* por la edición de Gregorio López, Salamanca: Andrea de Portonariis, 1555.

⁶ El prólogo de este título dice “queremos aquí decir del debdo que han los naturales con aquellos cuyos son por debdo de naturaleza”(Siete *Partidas*, II, XXIV, prólogo). Sobre la naturaleza, véase: *Martin G. Noblesse et royauté dans le De rebus Hispaniae* (libres 4 à 9) // *Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévaux*, 26, 2003, P. 101–121; *Estepa Diez C. Naturaleza y poder real en Castilla* // *Construir la identidad en la Edad Media*, Jara Fuente J.A., Martín A.A. (eds.), Cuenca: Universidad de Castilla-La Mancha, 2010, P. 163–181.

⁷ “Diez maneras pusieron los sabios antiguos de naturaleza. La primera, e la mejor es: la que han los omes a su señor natural, por que tan bien ellos, como aquellos de cuyo linaje descenden, nascieron e fueron raygados: e son en la tierra onde es el Señor. La segunda es: la que auiene por vasallaje. La tercera, por criança. La quarta, por caualleria. La quinta, por casamiento. La sexta, por heredamiento. La setena, por sacar lo de captiuo, o por librarlo de muerte, o des honrra. La octaua, por aforramiento de que no rescibe precio el que lo aforra. La nouena, por tornarlo Christiano. La dezena, por morança de diez años que faga en la tierra: maguer sea natural de otra” (Siete *Partidas*, IV, XXIV, II).

⁸ *Martin G. Alphonse X ou la science politique* (Septénaire, 1–11) // *Cahiers de Linguistique hispanique médiévale*, 18–19, 1993–1994, P. 79–100, 7–33.

El deudo de naturaleza con respecto al Rey, esto es el Rey como el señor natural de la tierra, está por delante del vínculo de vasallaje, que es tratado en el Título XXV de esta misma Cuarta Partida.

Hay algunas definiciones muy importantes en la Segunda Partida: “Reyno es llamado la tierra que ha Rey por Señor, e ha otrosi nome Rey, por los sus fechos que ha de fazer en ella, manteniendo la en justicia e con derecho”⁹. Esta es, pues, la definición que dan las Partidas del *Reyno*. El nombre viene del Rey. Y el Reino se identifica con la Tierra. Nos podemos preguntar si se trata de palabras sinónimas. No lo son propiamente, pues reflejan matices. Podríamos decir que la tierra es el sostén e infraestructura del reino, incluyendo los hombres que la habitan.

Otros elementos de la definición son que el Rey es Señor (del Reino, de la Tierra) y que lo (la) mantiene en justicia y con derecho. Pareja de palabras que están generalizadas en las Partidas para expresar las propiedades del Rey.

El reino está descrito en la ley III del Título X (“Qual deue el Rey ser, comunalmente, a todos los de su Señorío. Por que razones deue el Rey amar, e honrrar, e guardar a su pueblo”)¹⁰. En ella siguiendo a Aristóteles describe el Reino como una huerta, cuyos árboles son el pueblo, siendo el Rey el Señor de dicha huerta, los

Siete Partidas. Un fragmento

⁹ Siete Partidas. II, XIX, III.

¹⁰ Ibid. II, X, III.

oficiales que han de administrar justicia sus labradores, los ricoshombres y los caballeros sus soldados, las leyes, fueros y derechos su valladar, los jueces y justicias sus paredes y setos.

La acción política del Rey está expresada mediante las palabras *Señorío del Reyno* o *Señorio del Rey*. Estas expresiones son idénticas y dan a entender el ejercicio de poder por el Rey. Así “Verdaderamente es llamado Rey aquel que con derecho gana el Señorío del reyno”¹¹.

La dualidad Rey/Reino se halla registrada en la Segunda Partida en muchas ocasiones. Es evidente que *Reyno* tiene que ver con el *Rey*, pero en mi opinión lo más relevante es que el reino está plenamente institucionalizado. Puede hablarse así del pro o del daño al Rey y al Reino. El ejemplo más interesante lo hallamos en la ley I del Título XVIII. En dicha ley (“Como deue el pueblo guardar al Rey, en sus castillos, e en sus fortalezas, e que pena merescen los que errassen en su guarda”) se dice que hay heredamientos *quitos* del Rey (que se reserva él) y “queremos agora aqui decir de los otros que maguer son suyos, por Señorío, pertenescen al Reyno de derecho. E estas son las villas, e los castillos, e las otras fortalezas de su tierra”¹². Esta diferenciación además tiene su importancia porque también hay bienes de esta índole que hombres nobles tienen como heredamiento y su pérdida o enajenación comportaba precisamente el desheredamiento del Rey y del Reino, de manera que el culpable por esa traición “deue perder todo el heredamiento que ouiere, e ser echado, dela tierra para siempre jamas, e el castillo deue tornar al señorío del reyno como de primero”.

El señorío del Rey sobre el Reino está por encima del señorío de los señores particulares, pero ya se esboza la idea de que hay derechos que son del Reino (*pertenescen al Reyno de derecho*), aunque el Rey ejerza (administre) el Señorío superior al de otros señores.

Esto y la abundancia de las menciones parejas Rey/Reino nos sugieren la importancia del término *Reyno* en el lenguaje político de las Siete Partidas. En definitiva, no es sino la expresión de una concepción transpersonal del Reino.

Pueblo es también uno de los conceptos claves en el pensamiento político alfonsino. Pueblo son todos los del Señorío del Rey y no solamente la llamada gente menuda, sino todos, los mayores, medianos y menores.

Por otra parte, hay sin duda una general proyección del concepto de Pueblo a toda la Segunda Partida. En esto resulta muy significativo el prólogo del Título XXXI y último de esta Partida, dedicada a un tema tan distinto como el de los *estudios*¹³. Viene a ser como el colofón de la Segunda Partida, en muchos de cuyos títulos gira en torno al Rey, al Pueblo y a la Tierra.

¹¹ Ibid. II, I, IX.

¹² Ibid. II, XVIII, I.

¹³ “De como el rey: e el pueblo: deuen amar: e guardar: la tierra en que bien: poblandola: e amparandola: de los enemigos, diximos asaz: conplidamente, en los títulos ante deste. E por que de los omes sabios: los omes e las tierras e los Reynos se aprouechan: e se guardan: e se guisan: por el consejo dellos, por ende queremos enla fin desta partida fablar, de los estudios,

Otro de los aspectos más importantes es el del señorío y de la naturaleza. Podemos considerar estos conceptos como axiales en el pensamiento político alfonsino. Se trata además de dos elementos confluyentes. En el Título XIII sobre las relaciones del Pueblo para con el Rey, los redactores de las Partidas se aprovechan de la doctrina de Aristóteles sobre las tres almas en el Hombre, a la que aluden en el prólogo del Título XII: alma racional, alma sensitiva (*sentidora*) y alma *criadera* (la propia de las plantas); y que estas almas hacen semejanza, respectivamente, con el amor que ha de tener el Pueblo para con Dios, para con el Rey y para con su Tierra. Por consiguiente, el Título XIII es dedicado a la relación del Pueblo para con el Rey, conforme a la doctrina del alma sensorial.

El Pueblo debe amar y temer al Rey, pues los que aman y temen a Dios aman y temen a los Reyes; y también hay otro miedo que viene del espanto y de la premia, que es tal como el que tienen los siervos a los señores.

Y en la última ley de este Título XIII está muy claramente la idea del primer lugar de la naturaleza sobre el señorío, cómo el natural se debe primeramente a su Señor Natural en caso de tener otro señor (así en la relación de vasallo a señor), considerando esta doctrina algo propio de España¹⁴.

Podemos concluir diciendo que el contenido político fundamental de Alfonso X es un concepto monárquico de señorío natural con aspiraciones imperiales. Tal como hemos analizado los contenidos de la Segunda Partida, la naturaleza y el señorío quedan conjuntados en el señorío natural. El poder del Rey sobre el Reino quiere decir el poder del Rey sobre el Pueblo que habita su Tierra, que también es la Tierra del Reino. Esta es el espacio político de la Monarquía donde los naturales han de servir al Rey que los proteja y ampare. Sin duda la teoría política avanza en los siglos XIV y XV de cara a la formulación de la soberanía, pero las concepciones del Rey y del Reino como confluyentes inseparables y a la vez diferenciados es algo que ya encontramos en la obra del Rey Sabio.

e de los maestros, e de los escolares: que se trabajan de amostrar e daprender los saberes”. Ibid. II, XXXI, prólogo.

¹⁴ Siete Partidas. II, XIII, XXVI.

Церковные соборы в Леонском королевстве X – начала XII в.

Д.П. Сафронова

Практика церковных ассамблей в Леонском королевстве настолько разнообразна, что ее крайне сложно вписать в институциональные рамки, которые оформились в Новое время. В X – начале XI в. вопросы церковной жизни становились предметом рассмотрения на т. н. «смешанных» собраниях, которые далеко не всегда соответствуют современному пониманию собора. Согласно принятому в научной литературе определению, собор – это ассамблея духовных лиц, в задачи которой входит регулирование вопросов вероучения и церковной дисциплины или в более широкой трактовке – всех внутрицерковных вопросов и проблем взаимоотношений церкви с миром. При этом часто подчеркивается, что основным результатом деятельности собора является каноническое право¹.

«Смешанные» собрания X – начала XII в. по инициатору созвания и составу участников в целом не отличались от судебных или политических ассамблей того времени. Миряне принимали в них участие наряду с клириками. Председательствовал на них, как правило, король, и только в последней четверти XI в. эту функцию в некоторых случаях брал на себя папский легат². Каноническое право этого периода нам практически не известно, и, согласно немногим дошедшим до нас памятникам, правовое регулирование жизни церкви также могло осуществляться на «смешанных» собраниях³.

Тем не менее полностью отождествлять раннесредневековый собор со всеми прочими ассамблеями едва ли оправданно в силу его сакраментального характера. Сама мистическая природа церкви предполагает, что соборы помимо административных исполняли также культовые функции. Источники X–XI вв. указывают лишь на отдельные литургические действия, которые сопутствовали проведению раннесредневековых собраний (как, например, освящение церкви в ходе судебной ассамблеи⁴). Однако связанные

¹ См.: Казбекова Е.В. Собор церковный // Словарь средневековой культуры / ред. А.Я. Гуревич. М.: РОССПЭН, 2003. С. 497; Küng H., Engels O. Council // Encyclopedia of theology: the concise Sacramentum Mundi / ed. K. Rahner. New Delhi: Continuum, 2004. P. 296; Council/conciliarism // Encyclopedia of Catholicism / ed. J.G. Melton. New York: Infobase Publishing, 2007. P. 191–192.

² Перечень легатских соборов за период до 1109 г. см.: Martínez Díez G. Concilios españoles anteriores a Trento // Repertorio de historia de las ciencias eclesiásticas en España, V (1976). P. 314–317.

³ См. ниже сноску 5.

⁴ Colección diplomática del monasterio de Sahagún. T. II / ed. M. Herrero de la Fuente. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1988, doc. 514 (далее CDS).

с богослужением элементы едва ли можно рассматривать как атрибут, присущий исключительно церковным собраниям.

Несмотря на отсутствие правовых различий, при анализе ассамблей этого времени сферу церковной жизни, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать отдельно⁵. При этом целесообразно говорить не о соборах как таковых, но о коллегиальном начале в делах церкви и ее представителей. До институционального оформления этих органов Церковь, безусловно, имела свои специфические задачи, но были ли у нее особые принципы и модели их решения? Встает вопрос о том, какие проблемы церковной жизни могли становиться предметом обсуждения на ассамблеях X – начала XII в. Отличаются ли собрания, посвященные решению таких вопросов, особым идейным осмыслением или образом действий их участников?

Данные источников, которые сообщают о леонских соборах, довольно ограничены, особенно по сравнению с материалами вестготского периода, который в научной литературе принято рассматривать как время «соборного ренессанса»⁶. Леонское королевство, как известно, формально позиционировало себя в качестве преемника вестготского. Текстуальное наследие соборов предшествующей эпохи, систематизированное в коллекции “Hispana”, подвергалось переписыванию в X–XII вв. и, вероятно, было известно в этот период⁷. Однако источники первых веков Реконкисты не позволяют утверждать, что данный корпус был в полной мере воспринят после мусульманского завоевания. Внешнее сходство с Толедскими соборами (например, смешанный состав участников и роль монархии) еще не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать леонские соборы как прямое продолжение соответствующих практик предшествующего периода⁸.

⁵ В историографии долгое время было принято считать, что первым в правовом отношении собором была ассамблея 1050 (1055) г. в Койансе, постановления которой регламентировали жизнь церкви (см.: *La tradición manuscrita de Fuero de León y Concilio de Cozanza* / ed. G. Martínez Díez // *El Reino de León en la Alta Edad Media: Ordenamiento jurídico del reino*. Т. II / ed. M. Lucas Álvarez. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1992. P. 173–183). Высказанная в исследовании А. Гарсия-Гальо гипотеза о так называемой «сакрализации» этой ассамблеи в последние десятилетия была подвергнута обоснованной критике, согласно которой данное собрание формально не отличается от других «смешанных» ассамблей рассматриваемого периода (*García-Gallo A. El concilio de Cozanza. Contribución al estudio del Derecho Canónico español de la Alta Edad Media* // *Anuario de historia del derecho español*, 20, 1950. P. 257–633; критику данной теории см.: *Grassotti H. La Iglesia y el estado en León y Castilla. De Tamarón a Zamora (1037–1072)* // *Idem. Estudios medievales españoles*. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1981. P. 385–393; *Linehan P. Historia e historiadores de la España medieval*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2011. P. 214–215).

⁶ *Valliere P. Conciliarism: a history of decision-making in the church*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 100–101.

⁷ *Díaz y Díaz M. C. La circulation des manuscrits dans la Péninsule Ibérique du VIIIe au XIe siècle (suite et fine)* // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1969. № 48. P. 387–391.

⁸ Прямую аналогию можно найти, например, в следующей статье: *Deswarte T. Les laïcs dans les conciles wisigothiques du septième siècle: emprise royale ou théologie du laïc? //*

В вестготских текстах, в частности в «Порядке проведения собора» (*Ordo de celebrando concilio*) VII в., можно найти основанное на Библии понимание собора, в соответствии с которым его решения вдохновлены Святым Духом и одним из главных элементов собрания является богослужение⁹. В леонских источниках идейное осмысление собора в контексте его сакрализации нам удалось обнаружить только в документах, подлинность которых вызывает сомнения. Например, в актах вымышленного Овьедского собора 821 г., которые были составлены в первой четверти XII в., представлен библейский рассказ о сошествии Святого Духа на апостолов и проведена соответствующая параллель между ними и собравшимися в Овьедо¹⁰. Участники другой Овьедской ассамблеи 1115 г., согласно интерполированному документу из архива Толедского собора, были «направляемы Святым Духом»¹¹. Наиболее характерная для соборного дискурса повестка обсуждения, а именно вопросы внутренней дисциплины, в нашем материале встречается крайне редко, тем не менее она представлена в аутентичной традиции. Так, в оригинальном документе 1056 г. из коллекции Леонского архива описана ассамблея епископов в Сантьяго, целью которой было преодоление нестроений в жизни церкви в соответствии с нормами права¹².

На протяжении всей истории изучения рассматриваемой темы именно такие ассамблеи, посвященные проблемам дисциплины, а также реформированию церкви, в первую очередь интерпретировались историками как соборы. Несмотря на это, в сложившейся в историографии XIX в. классический перечень соборов входят также «смешанные» ассамблеи, в повестке обсуждения которых был более широкий круг вопросов¹³. При этом основ-

Les Pères de l'Eglise et l'exercice du pouvoir. Une Eglise profondément transformée? L'impact de la faveur impériale sur l'exercice ecclésiastique du pouvoir (IVe–VIIe s.): Actes du VIe colloque de la Rochelle / ed. P.-G. Delage. La Rochelle: Caritas Patrum. P. 319).

⁹ Colección de cánones de la Iglesia española. T. II / ed. J. Tejada y Ramiro. Madrid: Imprenta de Anselmo Santa Coloma y Compañía, 1850. P. 7–8.

¹⁰ Colección de documentos de la catedral de Oviedo / ed. S.G. Larragueta. Oviedo: Instituto de Estudios Asturianos, 1962, doc. 4.

¹¹ España Sagrada: memorias de la santa iglesia exenta de Oviedo. T. XXXVIII / ed. M. Risco. Madrid: Oficina de Don Blas Román, 1793. P. 266–274.

¹² Colección documental del archivo de la catedral de León. T. IV / ed. J.M. Ruiz Asencio. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1990, doc. 1127 (далее CDL): “Quumque omnes nos que infra subscripturi uel signa facturi sumus intra ipsam basilicam residissemus tractari cepimus unum quem (sic) nostrum de ordine ecclesiastico etiam et de institutionibus sanctorum canonum. Dum autem paulatim creuisset sermo inuenimus quasdam diminutiones, partem incurie, partem pigritie, dissolutas a sancta ecclesia et fide catholica. Ad hec preteritis neclegentiis finem ponimus, futura ordinemus”.

¹³ Ставший классическим перечень соборов оформился в издании под редакцией X. Техада-и-Рамиро (Colección de cánones y de todos los concilios de la Iglesia española. T. III / ed. J. Tejada y Ramiro. Madrid: Santa Coloma y Peña, impresores del Ministerio de Comercio, Instrucción y Obras públicas, 1851; другие коллекции леонских соборов см.: *Martínez Díez G.* Concilios nacionales y provinciales // Diccionario de historia eclesiástica de España. T. I / eds. Q. Aldea Vaquero, T. Marín Martínez, J. Vives Gatell. Madrid: CSIC, 1972. P. 556–557). С незначительными изменениями данный список был сохранен и в современной научной литературе, хотя большая часть тех ассамблей, которые в XIX в. рас-

ное внимание исследователей было сосредоточено на тех проблемах церковного управления, которые казались самым историкам достаточно существенными для собора. Например, в классическом перечне, как правило, учитывали ассамблеи, посвященные реорганизации диоцезов¹⁴, но не включали в него собрания епископов по случаю освящения церкви¹⁵.

При таком ретроспективном взгляде на проблему ученые заведомо лишаются возможности понять, какую роль коллективные решения играли в церковной жизни этого периода и на какой круг вопросов распространялись. Показательной в этом отношении представляется проблема церковных реформ. Исследователи часто с той или иной степенью обоснованности приписывают преобразования в церкви разным ассамблеям, в то время как источники в принципе далеко не всегда представляют их как коллегиально принятое решение. Соответствующий пример можно найти в случае с реформой литургии второй половины XI в.: если Пелайо Овьедский в своей хронике связывает переход на римский обряд с собором в Бургосе 1076 г.¹⁶, то, согласно документу 1080 г. из монастыря Саагун, это преобразование произошло по личной инициативе и решению Альфонсо VI¹⁷.

Подобную двойственность коллегиального и иерархического можно также наблюдать в вопросах назначения епископов и территориальной организации церкви. Например, упразднение кафедры Симанки представле-

смаивались как соборы, в XX в. проходят как епархиальные синоды или ассамблеи королевской курии (см.: *Martínez Díez G. Concilios nacionales y provinciales...* P. 537–577; *García y García A. Concilios y sinodos en el ordenamiento jurídico del reino de León // El reino de León en la Alta Edad Media. T. I. Cortes, concilios y fueros / ed. M. Lucas Álvarez. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1988. P. 353–495*). Наиболее полное на сегодняшний день издание источников, которые освещают соборы из этого перечня, см.: *Martínez Díez G. Legislación conciliar del Reino Astur (718–910) y del Reino de León (910–1230). León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 2009*.

¹⁴ В этом вопросе также не обошлось без исключений, например в подборку не вошла ассамблея по случаю перенесения кафедры Ирии в Сантьяго (*La documentación del Tumbo A de la Catedral de Santiago de Compostela / ed. M. Lucas Álvarez. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1997, doc. 8 (далее CDSant)*).

¹⁵ Например, Леонский епископ Пелайо в грамоте 1073 г. сообщает об ассамблее по случаю восстановления и освящения церкви св. Марии в Леоне (CDL, t. IV, doc. 1190: “...Conuocauí omnes conprouintiales episcopos, et statuí presentem diem dedicationis uel restorationis istius sedis... Vos autem, karissimi, qui huc conuenistis letamini et celebrate hunc diem in honorem Sancti Saluatoris et Sancte Marie uirginis...”).

¹⁶ *Crónica del obispo don Pelayo. Ed. B. Sánchez Alonso. Madrid: Imprenta de los sucesores de Hernando, 1924. P. 80: “Tunc Adefonsus rex uelociter Romam nuncios misit ad Papam Aldebrandum cognomento Septimus Gregorius; ideo hoc fecit, quia romanum misterium habere uoluit in omni regno suo. Memoratus itaque Papa Cardinalem suum Ricardum, Abbatem Marsiliensem, in Hispania transmisit. Qui apud Burgensem urbem Concilium celebrauit confirmauitque romanum misterium in omni regno regis Adefonsi Era MCXIII”*.

¹⁷ CDS, t. III, doc. 781: “Que ego, Ildefonsus rex, rationabili mente pertractans, cum Deus et Dominus noster mihi suppeditauit, ut in Ispanie partibus, dominio meo ab eodem commissis, dignissimum Romane institutionis officium celebrari preciperem et precipiendo fideliter complerem”.

но в грамотах как соборное решение¹⁸, в то время как кафедру Туя под власть Сантьяго единолично передал Альфонсо V¹⁹. С началом проведения легатских соборов, казалось бы, сформировался внутрицерковный механизм решения территориальных конфликтов, однако его функционирование по-прежнему зависело от авторитета, но теперь уже не короля, но легата или папы. Например, собор в Усильос 1088 г. провел размежевание между кафедрами Бургоса и Осмы, но, как показывает последующая традиция, окончательное установление границ потребовало повторных собраний и, главное, подтверждения со стороны папы²⁰.

Решение тех проблем, которые традиционно принято рассматривать как прерогативу соборов, в X – начале XII в. либо вовсе не представлено в повестке известных нам ассамблей (например, вопросы вероучения), либо во многом зависит от воли одного человека. В научной литературе это обстоятельство принято объяснять недостатками источников: согласно распространенной точке зрения, посвященные вопросам церковной жизни соборы проводились, но их акты до нас не дошли²¹. На наш взгляд, состояние источников отражает не только их сохранность, но и особенности соборной практики этого времени.

Основываясь на том, как в дошедших до нас документах представлено принятие решений в сфере церковного управления, можно предположить, что авторитет соборных постановлений как таковых не был достаточно высоким в глазах современников. Описанное выше идейное осмысление церковных ассамблей в Леонском королевстве свидетельствует о том, что по крайней мере в начале XII в. у современников были представления о каноническом устройстве церкви. Однако в этот период соборы едва ли рассматривались как рутинный способ решения проблем на уровне провинций и тем более всего королевства, согласно тому, как это предполагает античное и раннесредневековое каноническое право²².

В то же время можно предположить, что на более низком уровне организации церковной жизни коллегиальность была необходимым условием решения некоторых вопросов, как, например, в случае с отчуждением церковного имущества. Так, согласно документу 1045 г. из Леонского архива, Компостельский епископ Кресконио в ответ на просьбу Фронильды даровал ей имение (*solare*), которое находилось во владении кафедры: «Тогда епископ имел разговор со всеми магнатами дворца, и эти господа сочли за

¹⁸ Colección Documental de la Catedral de Astorga. T. I / eds. G. Cavero Domínguez, E. Martín López. León: Centro de estudios e investigación “San Isidoro”, 1999, doc. 129.

¹⁹ CDSant, doc. 64.

²⁰ Основной источник информации об этом соборе см.: Documentación de la catedral de Burgos / ed. J.M. Garrido Garrido. Burgos: Ediciones J.M. Garrido Garrido, 1983, doc. 46. Папские подтверждения его решений см.: *ibid.*, doc. 56–57.

²¹ Например, о предполагаемых актах Бургосского собора 1081 г. см.: *Martínez Díez G. Concilios nacionales y provinciales...* P. 542.

²² *Stocking R. Bishops, councils and consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. The University of Michigan Press, 2000. P. 36.*

благо, чтобы выполнили ее [Фронильды] прошение...»²³ Коллективный характер этого решения, скорее всего, соответствует некой правовой норме²⁴. Однако в том, как описаны действия участников ассамблеи в данном документе, мы не усматриваем особой модели коллективных действий, поскольку «разговор» епископа с «магнатами дворца» не отличается от обычной королевской ассамблеи, посвященной сугубо светским проблемам.

Другой пример отчуждения имущества церкви можно найти в документе 1006 г. из коллекции Саагуна, где описана продажа одной из принадлежавших монастырю деревень: «...Собрались в одном месте Богом призванные братья, монахи и исповедники из церкви св. Факундо, согласно тому, как святой [Бенедектинский] устав учит... и сказали: “Выручим за нее [деревню] цену и вложим в другое владение или в достаток братьев, или в содержание церкви”. Таким образом пришли к согласию между собой...»²⁵ Здесь не только представлена особая модель совместного принятия решений, но прямо указан образец, на который она ориентирована, — Бенедектинский устав.

Соборность, которую принято считать неотъемлемым элементом церковной жизни любой эпохи, безусловно, присутствует в Леонской церкви X — начала XII в. Однако сложившиеся в научной литературе представления о соборах этого периода во многом обусловлены ретроспективным взглядом, который по-своему присущ как хронистам и копиистам начала XII в., так и современным исследователям. Круг тем, которые становились предметом обсуждения на церковных ассамблеях, включает в себя наряду с внутренней дисциплиной и реформами более частные вопросы. На наш взгляд, именно на более низком уровне церковной организации, на уровне отдельного монастыря или кафедры, следует искать характерные для церкви модели принятия коллективных решений.

²³ CDL, t. IV, doc. 1022: “Nunc autem surrexit infans domna Fronildi, prolis Pelagii et Gutine, et uenit ad ipsum locum apostolicum causam orationis et fecit petitionem de ipso solare in presentia patri et pontifice domni Cresconi episcopi, una cum collegio monachorum uel omnes in hunc locum commorantes et deseruientes, ut dedissent eum illi. Tunc uero abuit ipse pontifex conloquio cum omnes magnati palacii et preuiderunt bene ipsos domnos ut adimplerent peticio eius, sicut et fecerunt”.

²⁴ О правовых нормах, связанных с отчуждением церковного имущества, см.: *Fernández Espinar R.* La compraventa en el Derecho medieval español // *Anuario de historia del derecho español*, 25, 1955. P. 352–353.

²⁵ CDS, t. II, doc. 386: “...Congregatis fratribus monachis et confessoribus Deo inuocantes ab aula Sancti Facundi, secundum quod sancta regula docet in unum et dederunt totam congregationem, ut a longe nobis erat, dixerunt: emamus de ea precium et mittamus aut in alia hereditate aut in sufficientia fratrum aut in substentationem ecclesie. Sic annuit inter nos...”